
ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

УДК 340

ИВАН IV И АНДРЕЙ КУРБСКИЙ: ФИЛОСОФИЯ СПОРА

© 2025 г. Е. А. Фролова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Поступила в редакцию 18.11.2024 г.

Аннотация. В статье анализируется спор по вопросам государственного правления одной из самых ярких и противоречивых фигур русской истории – Ивана Грозного – с боярином Андреем Курбским. Показано, что политические воззрения Ивана IV во многом определялись его личными качествами. Согласно позиции Ивана IV, царь ответствен только перед Богом, подданные не могут обсуждать его повеления, перед ними он не несет никакой ответственности. Андрей Курбский, напротив, отстаивал государственный порядок, основанный не на личном усмотрении правителя, а на участии боярского совета в управлении – «синклита». Идеологическая составляющая спора, отраженная в посланиях Курбского, заключалась в самом факте протеста против политики самодержавной власти.

Ключевые слова: история политических и правовых учений, XVI век, Россия, государство, Иван IV, Андрей Курбский.

Цитирование: Фролова Е.А. Иван IV и Андрей Курбский: философия спора // Государство и право. 2025. № 1. С. 59–67.

DOI: 10.31857/S1026945225010047

IVAN IV AND ANDREY KURBSKY: THE PHILOSOPHY OF THE DISPUTE

© 2025 E. A. Frolova

Lomonosov Moscow State University

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Received 18.11.2024

Abstract. The article analyzes the dispute over the issues of state governance between one of the most striking and controversial figures in Russian history, Ivan the Terrible, and the boyar Andrey Kurbsky. It is shown that Ivan IV's political views were largely determined by his personal qualities. According to his views, the tsar is responsible only to God, his subjects cannot discuss his orders, and he bears no responsibility to them. Andrey Kurbsky, on the contrary, defended the state order based not on the personal discretion of the ruler, but on the participation of the boyar council in governance – the “synclitus”. The ideological component of the dispute, reflected in Kurbsky's messages, consisted in the very fact of protest against the policy of autocratic power.

Key words: history of political and legal doctrines, 16th century, Russia, state, Ivan IV, Andrey Kurbsky.

For citation: Frolova, E.A. (2025). Ivan IV and Andrey Kurbsky: the philosophy of the dispute // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 59–67.

Исторические условия спора

В период образования и укрепления русского централизованного государства исторические условия развития страны (освобождение от иноземных захватчиков, преодоление внутренних княжеских распр, закрепощение крестьянства) способствовали усилению самодержавной царской власти. Широко известна оценка отечественной государственности, данная Н.М. Карамзиным: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием»¹. Сторонник охранительной идеологии высоко оценивал государственный строй XVI в., отмечая, что политическая система московских государей этого времени вызывала удивление своей мудростью: «имея целью одно благоденствие народа, они воевали только по необходимости, всегда готовые к миру, уклоняясь от всякого участия в делах Европы <...> и, восстановив Россию в умеренном <...> величии, не алкали завоеваний неверных, или опасных, желая сохранить, а не приумножить»².

Теоретический уровень политико-правовых доктрин в России XVI в. сочетал теологические и светские аргументы, при этом схоластические приемы, свойственные западноевропейским учениям, в русской политической мысли не доминировали. В целом политическая идеология России в этот период отличалась программным характером, что находит подтверждение в переписке по вопросам государственной власти Ивана Грозного с боярином Андреем Курбским.

Личность Ивана IV

Иван IV (1530–1584) — старший сын великого князя Василия III Иоанновича от второго брака с Еленой Глинской почти с рождения был обречен властвовать. В три года, после смерти отца, он стал великим князем (1533), с пяти лет принимал участие во всех государственных церемониях, но фактически начал править в 1547 г. 16 января 1547 г. впервые в истории Руси великий князь был венчан на царство по «Чину венчания», составленному митрополитом Московским и Всея Руси Макарием, и стал царем³. За годы его правления в стране произошли большие перемены: почти в полтора раза увеличилась территория, проведены реформы, направленные на централизацию и регламентацию всех областей жизни в обществе. Эти преобразования были добыты слишком высокой ценой: сотни

казненных и насильно постриженных в монахи людей, десятки беглецов, среди которых оказался ближайший сподвижник Грозного — князь Андрей Курбский.

Великое множество жертв сложно было объяснить только лишь государственной необходимостью. Иван IV, анализируя в «Посланиях Андрею Курбскому» причины репрессий, объяснял их унижением, которым он подвергался в раннем возрасте. Выросший в атмосфере интриг, он привык никому не доверять и контролировать каждый шаг приближенных. Подозрительность, своеволие и жестокость Ивана Грозного во многом определили жизнь нашей страны во второй половине XVI в., сделав это время одним из самых ярких и одновременно трагичных в истории России⁴. О времени правления Ивана Грозного Н.М. Карамзин писал: «Внутри самодержавие укоренялось. Никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была изливанием монаршей. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее в России титуло уже было не княжеское, не боярское, но титуло слуги царева. <...> бояре, столь некогда величавые в удельных господствах, роптали на строгость самодержавия; но бегство, или казнь их, свидетельствовали твердость оного. Наконец, царь сделался для всех россиян земным богом»⁵.

Оценка правления Ивана IV во многом определяется его личными качествами. Царствование Ивана Грозного Н.М. Карамзин разбивал на три периода. Вначале, считал историк, испорченный в детстве воспитанием, он, достигнув юношеского возраста, стал своевольным и жестоким; потом подпал под влияние Сильвестра, Адашева и кружка бояр. В этот период его правление демонстрирует признаки политической мудрости и попечения о нравственном и материальном благосостоянии народа; но позднее Иван свергает с себя власть опекунов и становится кровожадным, необузданным, трусливым тираном. Иными словами, до 35 лет Иван IV отличался добрым нравом, но потом, «по какому-то адскому вдохновению, возлюбив кровь, лил оную без вины и сек головы людей, славнейших добродетелями. Бояре и народ во глубине души своей, не дерзая что-либо замыслить против венценосца, только смиренно молили Господа, да смягчит ярость цареви — сию казнь

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России / сост., вступ. ст. и коммент. В.Б. Муравьева. М., 2002. С. 382.

² Там же. С. 383.

³ Биографические данные и оценку творчества Ивана Грозного см.: Иван IV Грозный. Соч. / ст., коммент., сост.: Т. Чумакова. СПб., 2000. С. 5–29 (Азбука-классика).

⁴ См.: там же. С. 6. По оценкам Н.И. Костомарова, в этот период в государстве много было совершено светлого и великого по своим последствиям, но в еще большей степени — мрачного и кровавого (см.: Костомаров Н.И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Иван Грозный: pro et contra, антология / сост. Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман; вступ. ст. Д.К. Богатырев, Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман. СПб., 2023).

⁵ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 383.

за грехи их!»⁶. По мнению Н.И. Костомарова, царь Иван Васильевич никогда не действовал самостоятельно, напротив, он всю жизнь находился под влиянием то тех, то других: «с одной стороны, он тяготился опекою, но, по недостатку нравственной силы, не мог свергнуть ее с себя сразу и переживал эпоху колебания; оттого выходило, что он то, по прежней привычке, поддавался внушениям своих опекунов и уступал их советам, то перечил им и своевольно приостанавливал ход начатого предприятия и портил его. Кроме того, как самое предприятие представляло для него личные опасности, то здесь вступало в свои права то всегдашнее свойство его характера — трусость, свойство неизменно общее всем подобным ему тиранам»⁷.

В научной литературе отмечается зависимость политических решений Ивана IV от качеств его характера⁸. Действительно, личность царя Ивана Васильевича принадлежала к разряду тех нервных натур, которые нередко встречаются в истории (например, Нерон). Главные качества таких людей блестящим образом описаны Н.И. Костомаровым. Общее для таких лиц свойство — чрезвычайная чувствительность к внешним ощущениям и вследствие этого быстрая смена впечатлений. Воображение у них сильнее рассудка; они беспрестанно создают себе образы, увлекаются ими и при первой возможности готовы их примерять, но легко покидают их, когда появляются препятствия или когда другие образы овладевают их душой. Воля у них, как правило, слабая и они не способны быть великими деятелями. У них мало терпения и нет устойчивости в мыслях и поведении. Такие личности неспособны к самостоятельности и нуждаются в опеке над собой, хотя обыкновенно не замечают этого; когда же они почувствуют унижительность своей зависимости, то начинают ненавидеть тех, кто ими управлял. Они чрезвычайно самолюбивы.

⁶ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 383.

⁷ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 208.

⁸ А. Шлихтинг замечал, что привычка к человекоубийству являлась у Ивана IV повседневной: «Как только рассветает, на всех кварталах и улицах города появляются прислужники Опричины или убийцы и всех, кого они поймают из тех, кого тиран (Иван IV. — Е.Ф.) приказал им убить, тотчас рассекают на куски, так что почти на каждой улице можно видеть трех, четырех, а иногда даже больше рассеченных людей... А стоит тирану заметить, что народ взволнован столь сильной жестокостью, он переселяется в другое место, чтоб своим отсутствием успокоить скорбь людей» (см.: Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Иван Грозный: pro et contra, антология / сост. Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман; вступ. ст. Д.К. Богатырев, Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман. С. 50).

С.Б. Веселовский утверждал, что политика Ивана Грозного определялась его личным характером и сводилась к истреблению отдельных лиц (см.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричины. М., 1963. С. 28, 53, 163 (цит. по: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 219)).

Трусость — их неизбежное свойство, а с трусостью всегда соединяется подозрительность и недоверчивость. «Успех чрезмерно поднимает их; неудача повергает в прах. От этого они высокомерны, самонадеянны в счастье и малодушны, нетерпеливы в несчастиях. <...> Горе, — пишет Костомаров, — если такие личности получают неограниченную власть: возможность осуществлять образы, творимые воображением, вследствие чрезвычайной чувствительности к разным ощущениям, доводит их до всевозможного безумия»⁹. Таким был и Иван Васильевич — власть самодержца в его лице была выше всего.

Характеризуя Ивана Грозного и его деяния, специалисты нередко сопоставляют его личность по величине и масштабам преобразований с личностью Петра I. Это сравнение представляется неоправданным. Прежде всего для такого анализа необходимо уяснить, что следует считать «великим». Так, по мысли Костомарова, важно отличать «великое» от «крупного»: «Победы, кровопролития, разорения, унижения соседних государств для возвышения своего — явления крупные, громкие, но сами по себе не великие. Сочувственное название великого должно давать только тому, что способствует благосостоянию человеческого рода, его умственному развитию и нравственному достоинству. Тот только великий человек, кто действовал с этими целями и достигал их удачным, сознательным выбором надлежащих средств. Относительная степень исторического величия может быть определена как суммою добра, принесенного человечеству, так и умением находить для своих целей и пути средства, преодолевать препятствия и, наконец, пользоваться своими успехами»¹⁰.

Сопоставление этих правлений только по внешним признакам (Иван Васильевич в XVI в. стремился завоевать Ливонию, Петр Алексеевич — в XVIII в.) некорректно и может привести к произвольным выводам. Более того, удачное завоевание Ливонии Петром I «совсем не великое дело само по себе» — за подобные дела Петра I не называли бы «великим человеком», если бы не видели за ним действительно великих намерений и деяний, способствующих расширению благосостояния народа. За Иваном IV таких целей «мы не знаем». Думал ли Иван IV о заведении флота, о введении в государстве образовательных начал, о сближении с Европой? В отношениях с Англией заимствовал ли царь для своей страны что-нибудь из того, в чем Англия ушла вперед по сравнению с Россией? Царь относился к внешним сношениям эгоистически: он был рад, что мог получать предметы для нарядов,

⁹ См.: Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 221, 262.

¹⁰ Там же. С. 196.

роскоши, сластолюбия, каких не было у него в подвластной земле. Вся английская торговля в Москве была направлена главным образом на то, чтобы служить выгодам царя и его двора. Никто не мог покупать товаров, прежде чем лучшие из них не будут отобраны для царя; простым смертным позволялось покупать то, что не годилось царю¹¹.

Иван IV как политик во внешней области

Московское государство образовывалось присоединением ближних земель, но от мудрости правителя зависело понять, какие задачи следует решать в первую очередь, а какие — позднее. По мнению Костомарова, уже в XVI в. возрастающая сила Московского государства возбуждала зависть в Ливонии, но Москве следовало воздерживаться от этих завоеваний. Мудрые советники царя справедливо считали, что сначала необходимо уничтожить хищнические орды, возникшие на развалинах монголо-татарской державы — это было важно для существования Руси и для ее мирного развития. Однако своенравный царь, желая перечить своим опекунам, обратил взоры на Ливонию. Сильвестр и другие советники его кружка противились войне с Ливонией, полагая ее преждевременной и несправедливой. Вероятно, они отнеслись бы иначе к этой кампании в иное время и при других обстоятельствах, но в тех условиях они считали государственным приоритетом решение других задач. Великое дело овладения Крымом, подчинения татарских племен русской державе, расширения государственной территории на юг требовало, по их мнению, сосредоточенности всех сил народа и государства на одном направлении — нельзя было отвлекаться на решение иных дел. «Татарский» вопрос был в то время важнее. Последствия оправдали верность взглядов мудрых советников Ивана IV: «Ливония не была покорена, а Москва была разорена, держава истощена, народ подвергся великим бедствиям»¹². В этом выборе проявилась политическая близорукость царя: у него отсутствовали какие-либо широкие политические и образовательные цели. Решая внешнеполитические задачи, Иван IV был похож не на мудрого политика, а уподоблялся скорее «пришедшему в патристический забор простолюдину, у которого, однако, горизонт мировоззрения чрезвычайно туманен за пределами своей деревни»¹³ и его мысли нелегко уловить в этой «пене нервной диалектики»¹⁴.

Иван IV как писатель

Иван Грозный представлял собой колоритный тип самодержавного автора, оставив после себя

богатое книжное наследие. Его послания были широко известны и при его жизни, и позднее. Они переписывались и помещались в сборники, благодаря чему дошли до наших дней. Несмотря на то что прямых свидетельств нет, специалисты полагают, что «Первое послание Курбскому» официально рассылалось с агитационными целями по всем городам Московской Руси.

Оценка творческого наследия Ивана Грозного вызывает ряд источниковедческих трудностей. Так, согласно Д.С. Лихачеву, большинство его сочинений сохранилось только в поздних списках XVIII в. (но все же часть работ, очень для царя характерных, сохранилась в списках XVI в.). Далее трудно отличить то, что было написано им самим, от того, что им только подписывалось — многие речи Ивана Грозного, занесенные в летопись, передают лишь содержание сказанного¹⁵. Тем не менее даже на основе имеющихся данных можно утверждать, что Иван Грозный — политический деятель, темпераментно доказывающий правильность своих поступков, стремящийся силой убеждения воздействовать на своего собеседника. Он писал всегда по конкретному поводу и потому вносил в свои сочинения политическую запальчивость. Все написанное русским царем находится на грани между частными письмами и законодательными актами. В письмах Ивана IV излагается не только его мнение, но и государственные распоряжения.

Практически все книжное наследие Ивана Грозного составляют послания. Объем их различен: от небольших дипломатических грамот до огромного богословского трактата. Для стиля его посланий характерны: экспрессивность, повторы, близость к разговорной речи, что было обусловлено прямым обращением к адресату. Литературоведы сходятся в том, что стиль Ивана IV сохранял следы устного мышления: он писал, как говорил. Согласно традиции письмо должно было создавать иллюзию личного общения. Иван Грозный, стремясь держать адресата в постоянном напряжении, допускал разговорные интонации, насмешки, язвительные замечания, необходимые для того, чтобы утешить и подавить собеседника¹⁶. В посланиях царя всегда просматривается связь с реальностью: реальной властью, реальной жестокостью, реальной насмешкой. Иван IV не только пишет, но и действует — он способен привести в исполнение свои угрозы, сменить гнев на милость или

¹¹ См. об этом: Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 197, 209, 212.

¹² Там же. С. 211.

¹³ Там же.

¹⁴ Ключевский В.О. Русская история: полн. курс лекций: в 3 кн. М., 1995. Кн. I. С. 478.

¹⁵ По оценкам Т.В. Чумаковой, царь не писал для собственного удовольствия, но, считая своим долгом учить народ, за который ему держать ответ на Страшном Суде, документы стремился составлять собственноручно (см.: Иван IV Грозный. Указ. соч. С. 10).

¹⁶ См.: там же. С. 7, 10.

милость на гнев¹⁷. Письма Грозного — неотъемлемая часть его поведения и деятельности в целом: каждое из них есть общественный поступок.

Переписка Ивана IV с Андреем Курбским

История появления писем к Андрею Курбскому такова. В 1564 г. государство потрясла волна террора. Многочисленные казни и ссылки членов знатных семейств спровоцировали массовые бегства московской знати в Литву. Видный представитель оппозиции усилению царской власти и политический противник Ивана IV боярин князь Андрей Михайлович Курбский (1528–1583), «сверстник и любимец царя Ивана», герой Русско-казанской и Ливонской войн, командуя московскими полками в Ливонии, проиграл там одну битву и, боясь царского гнева, сбежал к польскому королю, покинув в Дерпте, где был воеводой, жену с малолетним сыном. Андрей Курбский принял деятельное участие в военных действиях поляков против своего царя и отечества¹⁸. При этом Курбский не хотел молча расстаться с Иваном Грозным: свои активные военные действия на стороне противника он стремился обосновать в послании русскому царю. Поэтому с чужбины, из Литвы, он написал резкое послание Ивану IV, укоряя его в жестоком обращении с боярами. Иван Грозный, сам «словесной мудрости ритор» (определение В.О. Ключевского), не желая оставаться в долгу у беглого боярина, отвечал ему длинным «широковещательным и многошумящим» (определение А.М. Курбского) посланием, на которое боярин возражал. Всего князь Курбский написал четыре письма, Иван Грозный — два, но его первое письмо по объему составляет больше половины всей переписки¹⁹. Письма князя Курбского наполнены, главным образом, личными или сословными упреками и политическими жалобами, но в целом эта переписка князя и царя обозначила их различные политические воззрения, а в более широком плане продемонстрировала особенности русской политической культуры второй половины XVI в.

Суждения Андрея Курбского

В политическом отношении Андрей Курбский отрицал право московских государей править независимо от боярского совета. Для него царь — это только «великий князь московский». Про себя же Курбский заявлял, что равен царю, поскольку происходит «от племени же великого князя Смоленского Федора Ростиславича, яко и твоя царская

высота» и подчеркивал, что знатные князья и бояре имеют общих предков с Иваном IV.

Князь Курбский обвиняет Ивана Грозного в тирании, в том, что он жесток, несправедлив, находится под влиянием иосифлян («прелукавых и презлых осифлян»), которые советовали ему быть «твердым на царстве» и не иметь при себе советников «мудрейших себя». Андрей Курбский считает нормальным только тот государственный порядок, который основан не на личном усмотрении властителя, а на участии боярского совета в управлении — «синклита». Для того, чтобы вести государственные дела успешно и благочинно, государь должен советоваться с боярами: царю подобает быть главой, а мудрых советников своих любить, «яко свои уды». Основная мысль Курбского — благотворное действие боярского совета: царь правил мудро, пока был окружен добродетельными и правдивыми советниками. Кроме этого князь допускает и народное участие в управлении государством, отстаивает пользу Земского собора.

Русский боярин возмущался усиливающимся значением бюрократии, различных приказных дьяков, в руках которых сосредоточивалось государственное управление: «Писари же наши русские им же князь великий зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичов, или от простого всенародства». При этом Курбский не призывал восстановить порядки феодальной раздробленности, он выступал за ограничение царской власти влиянием боярства (без согласия «великих в роде», «зело мудрых» и «зело богатых» мужей царь не может править государством) и за участие Земского собора в управлении. Таким образом то, что предлагал Курбский — не столько отдаленные идеалы, а реальные политические факты: боярский совет и Земский собор были к этому времени явлениями действительности. По оценкам Ключевского, политическая программа Курбского не выходила за пределы действующего государственного порядка и не требовала перестройки существующего государства²⁰.

В сочинениях, адресованных к западным читателям, князь Курбский стремился подчеркнуть знатность своего происхождения и влияние на царя. Отчасти этим объясняется его желание разграничить время царствования Ивана Грозного на две половины: первую, в которой царь прислушивался к своим добрым советникам, и вторую, в которой он отринул от себя добрых советчиков

¹⁷ См. об этом: Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 185, 187.

¹⁸ См.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 475; Иван IV Грозный. Указ. соч. С. 10, 11.

¹⁹ См.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 476.

²⁰ По оценкам В.О. Ключевского, «искони государи Русские и Московские думали о всяких делах, законодательствовали со своими боярами. В 1550 г. созван был и первый Земский собор, и князь Курбский должен был хорошо помнить это событие, когда царь обратился за советом ко “всенародным челоукам”, простым земским людям» (см.: там же. С. 477, 478).

и стал слушать злых «ласкателей». Такое изображение царствования Ивана IV позволяло ему оправдать свое прошлое влиятельное положение в Московском государстве, свои боевые подвиги при взятии Казани и свое решение уйти от Грозного в Польско-Литовское государство. Изображая этот перелом Ивана IV ко злу, Курбский выставлял на первый план свою принципиальность, морально обелял себя в глазах западных читателей, оправдывая свою былую близость к царю, и вместе с тем подчеркивал свою весомость в Московском государстве. Он как бы заявлял, что сам он всегда был принципиален и неизменен, а менялось поведение только Ивана Грозного, тем самым и ответственность за «отъезд» князя из России лежит на царе²¹. По отношению к Ивану Грозному Андрей Курбский занимает позу человека не только более высокого в моральном отношении, но и более образованного — человека утонченной западной культуры и просвещенности, упрекая царя в «варварстве» и необразованности.

Князь Курбский стремился оправдать свое бегство царскими притеснениями и феодальным правом «отъезда». По его убеждению, государь не должен посягать на феодальные привилегии, в том числе на право «отъезда» вассала, который рассматривался как «вольный слуга», к другому сюзерену. Однако после образования централизованного государства этот «отъезд» для Ивана IV означал государственную измену, чего не хотел признавать князь. Н.И. Костомаров устанавливал другую причинно-следственную связь, считая, что именно «мучительства» царя Ивана приводили к бегствам, а не бегства и измены возбуждали царя к «мучительствам». Поэтому те доводы, которые приводит Курбский в свое оправдание, получают характер «общечеловеческой правды»²². Оценивая «отъезд» Курбского, к неблагоприятному поступку князя можно отнести не столько бегство его в Литву, сколько участие в войне против своего отечества. Во многом это происходило в силу того, что «московские люди», даже лучшие, рассматривались властью как «слуги», а «не граждане». С этих позиций Курбский преступен только как гражданин; как слуга — он был совершенно прав, исполняя волю господина, которому добровольно обязался служить и который его, изгнанника, принял и облагодетельствовал²³.

²¹ См.: Первое послание Курбского Ивану Грозному // Письма Ивана Грозного к Андрею Курбскому. С. 7–9; *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 204, 205.

²² *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 217.

²³ Н.И. Костомаров замечал: «Мы не думаем, что вообще у бежавших в те времена в Литву московских людей были какие-нибудь идеалы в Литве. Им просто становилось почему-нибудь дурно и опасно жить в Московском государстве, и они бежали из него; бежать в Литву им было и ближе,

Политические взгляды Ивана IV в ответах Андрею Курбскому

В письмах к Андрею Курбскому Иван IV для обоснования самодержавной власти использует некоторые идеи И.С. Пересветова и аргументы иосифлян. Любые ограничения царской власти он отвергает, а бегство Курбского расценивает однозначно — как измену государству: он простой подданный, царь волен его казнить или миловать. Царская опала, казни бояр-изменников, широко применявшиеся в государстве, оправданны — «таких собак везде казнят». Курбский толкует царю о мудрых советниках, о синклите, а царь не признает никаких мудрых советников, для него не существует никакого синклита, а есть только люди, служащие при его дворе, дворовые холопы²⁴.

Политические взгляды Ивана IV сводились к обоснованию неограниченности царской власти; титул «самодержца» он понимал как неограниченность, несвязанность власти государя законом. Царь ответствен только перед Богом, подданные не могут обсуждать его повеления, перед ними он не несет никакой ответственности — «царь един есть законоположник и судья». Царская власть происходит от Бога, поэтому неповиновение царю есть неповиновение Богу. В первом послании Курбскому (1564) Иван Грозный писал: «Зачем ты презрел апостола Павла, говорящего: “Всякая душа да повинуется властям; нет власти не от Бога; тот, кто противится власти, — противится Божьему повелению”? Смотри и разумеи: кто противится власти — противится Богу; а кто противится Богу, тот называется отступником, а это — наихудший грех. А ведь это сказано о всякой власти, даже о власти, приобретенной кровью и войной. Вспомни же сказанное выше, что мы ни у кого не похитили престола, — кто противится такой власти, тем более противится Богу! Тот же апостол Павел, слова которого ты презрел, говорит в другом месте: “Рабы! Слушайте своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но, как слуги Бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть”. Вот воля Господня — пострадать, делая добро! Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и приобрести

и подручнее, чем в другое государство: и язык, и обычаи были для них ближе, чем в иной земле, и принимали их там радушно... Точно так же мы должны сказать и о тех, которые, наоборот, из Литвы бежали в Москву: и у этих людей в Москве не было предуготованных идеалов: им дурно становилось в Литве, — вот поэтому только они и бежали в Москву; стесненные обстоятельства их выгоняли из отечества» (см.: там же. С. 217, 218).

²⁴ См. оценки возражений Ивана Грозного Андрею Курбскому: *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 478, 479.

мученический венец?»²⁵. Царю как «помазаннику Божьему» подвластны отчасти и души подданных, так как роль христианского владыки — спасение душ подвластных людей. Царь — благочестивый пастырь, охраняющий и карающий. Подданные обязаны безоговорочно ему подчиняться, даже если это «нечестивый» царь.

Самодержавие для Ивана Грозного не только нормальный, свыше установленный государственный порядок, но и исконный факт нашей истории, идущий из глубины веков. «Начало самодержавия истинно православного Российского царства — от великого князя Владимира <...> мы не отняли ни у кого царства, но по Божию изволению и по благословению своих прародителей и родителей как родились на царстве, так и были воспитаны и выросли, и Божиим повелением воцарились, а не похитили чужое»²⁶. Иван Грозный был первым, кто высказал такой взгляд на самодержавие: до этого самодержцем считался только властитель, независимый от внешней силы. По мысли Ивана Грозного, русские самодержцы изначально самостоятельно владеют своими царствами и не связаны с боярами и вельможами. Русский царь обратил внимание на внутреннюю сторону верховной власти и глубоко проникся этой мыслью. Его основная политическая идея заключается в том, что самодержавный правитель не управляется «ни попами», «ни рабами».

Для Ивана Грозного государство есть его вотчина, в которой он полновластный хозяин. С этих позиций он противопоставлял наследному государю избирательную монархию. Так, польскому королю Стефану Баторию²⁷ Иван IV писал, что он есть царь и великий князь всяя Руси по Божьему изволению, а не по «многomyтежному желанию человечества». В письме к шведскому королю Иван IV отмечал «несовершенство» его государства, поскольку король разделял власть с аристократией и церковью. Во Втором послании шведскому королю Юхану III (1573) Иван Грозный наставлял: «Первое: ты пишешь свое имя впереди нашего — это неприлично, ибо нам брат — цесарь Римский и другие великие государи, а тебе невозможно

называться им братом, ибо Шведская земля честию ниже этих государств...» И далее: «А это истинная правда, а не ложь — что вы мужичий род, а не государский»²⁸. Английскую королеву Елизавету, которая не заключила военный союз с Россией, ссылаясь на отрицательное к нему отношение палаты общин, Иван Грозный называл «пошлой (обыкновенной. — Е.Ф.) девицей»: «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государской чести смотришь, и своему государству прибытка... Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, а мужики торговые... А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица». Таким образом, по убеждению Ивана IV, только самодержавный правитель выражает интересы своего народа, в то время как все «советники» преследуют своекорыстные цели. Поэтому перед лицом царя все, включая бояр, — его подданные без исключений и все обязаны повиноваться царским повелениям. По мысли Ивана Грозного, боярское господство ведет к господству своекорыстных интересов в ущерб интересам государства: боярам «вместо государственного владения потребно самовольство», они стремятся «выше меры славы и чести и богатства, к разорению христианскому». Назначение государя он видел в предотвращении «междоусобных браней», в укреплении могущества своей державы.

Иван IV выступал сторонником централизованного государства — многовластие есть безумие. Притязаниям боярства на участие в государственной власти он противопоставил требование единой власти, которая всецело воплощалась в личности государя. Ему же принадлежит идея четкого разграничения функций светской и духовной власти и обоснование независимого от церкви положения государства. Иван Грозный впервые в русской политической мысли проводит четкую грань между назначением государства и церкви. Церковь занимается «спасением душ», ее дело — давать моральную оценку поступкам и применять религиозные санкции. Царская власть решает «мирские дела», она, имея цель охранять «общежителство», обязана строго наказывать преступников; это правление — «страха и запрещенія, и обуздания и конечнейшего запрещенія по безумию злейших человек лукавых». Царь не может быть милостив к преступникам и добр с врагами отечества. Допустив послабление «злодеям», он приведет государство к гибели. Иван IV изображал образ царя как покровителя «добрых» и беспощадно карающего «злых». Властителям не подобает, писал он, ни «зверски яриться», ни «бессловесно смиряться». Для сохранения

²⁵ Иван IV Грозный. Указ. соч. С. 36, 37.

²⁶ Там же. С. 33, 34.

²⁷ Семиградский (трансильванский) воевода Стефан Баторий был избран сеймом на престол Речи Посполитой в декабре 1575 г. и коронован 1 мая 1576 г. Иван Грозный неодобрительно отнесся к избранию на престол Батория, поскольку разделял мнение той части сейма, которая хотела видеть на его месте императора Максимилиана II (до заседания сейма царь сам надеялся занять престол Речи Посполитой). Ко времени написания этого послания (июнь 1581) войска Речи Посполитой заняли ряд русских городов, и Иван Грозный был вынужден добиваться мира с Баторием (см.: Иван IV Грозный. Указ. соч. С. 242, 243).

²⁸ Там же. С. 120, 127.

государственного порядка царю следует поощрять «благих» подданных и наказывать «злых».

По оценкам В.О. Ключевского, никогда в русской истории до Петра I верховная власть в отвлеченном самосознании не поднималась до такого отчетливого, по крайней мере до такого энергичного выражения своих задач, как это выглядело в послании Ивана Грозного. Однако, когда дело дошло до практического решения вопросов, этот полет политической мысли закончился весьма скудной программой. Идея самодержавной власти не развивается у него в разработанный политический порядок. Из контекста переписки с Курбским можно только почувствовать, что царь тяготится своим боярством. Вся философия самодержавия свелась у Ивана IV к одному заключению: «жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же». Для подобной формулы не требовалось столь напряженной мыслительной работы — удельные князья приходили к такому же заключению без помощи теории самодержавия и даже выражались почти теми же словами: «Я, князь такой-то, волен, кого жалую, кого казню». Здесь в царе Иване IV вотчинник торжествовал над государем²⁹.

Таким образом, в переписке обе стороны отстаивали существующее. В ней столкнулись два политических настроения, что дало основание В.О. Ключевскому заметить, что стороны не столько полемизируют друг с другом, сколько исповедываются один другому: каждый из них твердит свое и плохо слышит противника. «За что ты бьешь нас, верных слуг твоих?» — спрашивает князь. «Нет, — отвечает царь, — русские самодержцы изначально сами владеют своими царствами, а не бояре и вельможи»³⁰. В этих тезисах можно выразить всю суть переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского.

Значение спора

Идеологическая составляющая спора, которая была отражена в посланиях Курбского, заключалась в самом факте протеста против политики самодержавной власти. Воспользовавшись древним феодальным правом отъезда, князь не просто сменил сюзерена, но демонстративно выступил против царского террора. Вместе с тем в конкретно-исторических условиях России XVI в. этот спор выглядел иначе. Г.В. Плеханов писал: «Весь вопрос в том, что же именно внес Иван IV в теорию и практику московского государства <...> Введенная им новизна означала полное уничтожение всего того, что так или иначе задерживало окончательное превращение жителей Московского государства в рабов перед лицом государя, совершенно бесправных как в личном, так и в имущественном

отношении»³¹. Сравнивая русскую и европейскую (в частности, французскую) монархии, Г.В. Плеханов оценивал спор Курбского и Ивана Грозного. Андрей Курбский, несмотря на свой консерватизм, представляется в письмах «свободолюбивым человеком и тем привлекает к себе сочувствие читателя <...> В нем нет холопского настроения. В его лице московский боярин отказывается сложить свое человеческое достоинство к ногам государя». Однако важно понимать, что позиция Курбского — это оборонительная позиция: князь решительно неспособен противопоставить последовательному учению Ивана Грозного о беспредельной власти царя сколько-нибудь стройную теорию политических прав если не всех жителей страны, то хотя бы высших ее классов. Такая теория не могла и вырасти на скудной почве общественных отношений тогдашней Москвы³².

Начиная с XVII в. вопросы, поднятые в переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным, не перестают быть предметом обсуждения. Переписка русского царя с князем получила широкое распространение в условиях возрождения спора о путях развития русского государства, что выступает дополнителем аргументом в пользу утверждения, согласно которому эта переписка отражала не только личные настроения ее авторов, но и воззрения широких читательских кругов. В последующее время ни суровые отзывы о «жестокосердии» Ивана Грозного, ни получившие в России более широкое распространение сочинения Андрея Курбского не лишили Ивана IV ореола «благочестивого и храброго самодержца». В заслугу Ивану IV часто ставят утверждение монархического начала. Но будет точнее и справедливее сказать, что он утвердил начало деспотического произвола и рабского бессмысленного страха³³. Память об Иване Грозном жива. По замечанию Я.С. Лурье, эта память во многом облегчала его преемникам задачу укрепления самодержавной власти: глубоко укоренившийся страх беспощадной расправы должен был останавливать каждого, кто осмелился бы противостоять этой власти. Однако воспоминания об Иване Грозном

³¹ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т. I. С. 191, 192 (цит. по: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 246).

³² См.: там же. С. 183 и др. (цит. по: там же. С. 247).

³³ Идеал Ивана Васильевича состоял именно в том, чтобы «прихоть самовластного владыки поставить выше всего — и общепринятых нравственных понятий, и всяких человеческих чувств, и даже веры, которую он сам исповедовал. И он достиг этого в московской Руси, когда, вместо старых князей и бояр, поднялись около него новые слуги — рой подлых, трусливых, бессердечных и безнравственных угодников произвола, кровожадных лицемеров, автоматов деспотизма: они усердно выметали из Руси все, что было в ней доброго; они давали возможность быстро разрастись и процветать всему, что в ней, в силу прежних условий, накопилось мерзкого» (см.: Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 216).

²⁹ См.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 479, 480.

³⁰ Там же. С. 480.

имели и другое значение: даже сторонников сильной власти они заставляли думать о необходимости разграничить «совершенное самовластво» и «людодерство»³⁴. Именно это обстоятельство привело к распространению переписки Грозного и Курбского в XVII в., «страх и трепет» не оставлял русских самодержцев и в последующее время под воздействием выступлений вольнодумцев, радикальных направлений в старообрядчестве и других, представлявших уже более серьезную альтернативу произволу правителя, чем та, которая была предложена Андреем Курбским.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 28, 53, 163.
2. *Иван IV Грозный.* Соч. / ст., коммент., сост.: Т. Чумакова. СПб., 2000. С. 5–29, 33, 34, 36, 37, 120, 127, 242, 243 (Азбука-классика).
3. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России / сост., вступ. ст. и коммент. В.Б. Муравьева. М., 2002. С. 382, 383.
4. *Ключевский В.О.* Русская история: полн. курс лекций: в 3 кн. М., 1995. Кн. I. С. 475–480.
5. *Костомаров Н.И.* Личность царя Ивана Васильевича Грозного // *Иван Грозный: pro et contra, антология* / сост. Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман; вступ. ст. Д.К. Богатырев, Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман. СПб., 2023. С. 196, 197, 208, 209, 211, 212, 216–218, 221, 262.
6. *Лихачев Д.С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.* М., 1993. С. 185, 187, 204, 205.
7. *Лурье Я.С.* Переписка Грозного с Курбским // *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.* М., 1993. С. 248.
8. Первое послание Курбского Ивану Грозному // *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.* М., 1993. С. 7–9.
9. *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.* М., 1993. С. 219, 246, 247.
10. *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. М., 1914. Т. I. С. 183, 191, 192.

Сведения об авторе

ФРОЛОВА Елизавета Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

11. *Шлихтинг А.* Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // *Иван Грозный: pro et contra, антология* / сост. Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман; вступ. ст. Д.К. Богатырев, Н.В. Эйльбарт, Л.Ю. Гусман. СПб., 2023. С. 50.

REFERENCES

1. *Veselovsky S.B.* Studies on the history of the oprichnina. M., 1963. Pp. 28, 53, 163 (in Russ.).
2. *Ivan IV the Terrible.* Essays / art., comment., comp.: T. Chumakova. SPb., 2000. Pp. 5–29, 33, 34, 36, 37, 120, 127, 242, 243 (Azбуka-klassika) (in Russ.).
3. *Karamzin N.M.* A note on ancient and new Russia / comp., intro. and comment. by V.B. Muravyov. M., 2002. Pp. 382, 383 (in Russ.).
4. *Klyuchevsky V.O.* Russian history: complete course of lectures: in 3 books. M., 1995. Book I. Pp. 475–480 (in Russ.).
5. *Kostomarov N.I.* The personality of Tsar Ivan Vasilyevich the Terrible // *Ivan the Terrible: pro et contra, anthology* / comp. N.V. Eilbart, L. Yu. Gusman; intro. by D.K. Bogatyrev, N.V. Eilbart, L. Yu. Gusman. SPb., 2023. Pp. 196, 197, 208, 209, 211, 212, 216–218, 221, 262 (in Russ.).
6. *Likhachev D.S.* The style of Grozny's works and the style of Kurbsky's works // *Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky.* M., 1993. Pp. 185, 187, 204, 205 (in Russ.).
7. *Lurie Ya. S.* Correspondence between Grozny and Kurbsky // *Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky.* M., 1993. P. 248 (in Russ.).
8. *Kurbsky's First Message to Ivan the Terrible* // *Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky.* M., 1993. Pp. 7–9 (in Russ.).
9. *Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky.* M., 1993. Pp. 219, 246, 247 (in Russ.).
10. *Plekhanov G.V.* History of Russian social thought. M., 1914. Vol. I. Pp. 183, 191, 192 (in Russ.).
11. *Shlikhting A.* A brief tale of the character and cruel rule of the Moscow tyrant Vasilyevich // *Ivan the Terrible: pro et contra, anthology* / comp. N.V. Eilbart, L. Yu. Gusman; intro. by D.K. Bogatyrev, N.V. Eilbart, L. Yu. Gusman. SPb., 2023. P. 50 (in Russ.).

Authors' information

FROLOVA Elizaveta A. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; 1, bld. 13 (4th academic building), Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia

³⁴ *Лурье Я.С.* Переписка Грозного с Курбским // *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.* С. 248.